Acta Linguistica Petropolitana. 2025. Vol. 21.1. P. 98–108
DOI: 10.30842/alp2306573721198108

Антонимические соответствия в тунгусо-маньчжурских языках

А. М. Певнов

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
pevnov@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7421-7777

Аннотация. Антонимическое соответствие предполагает противоположные значения у слов или аффиксов, имеющих общее происхождение в родственных языках или в диалектах одного языка (при этом одно из значений является первичным, а другое — вторичным, более поздним). В статье рассматриваются примеры антонимических соответствий в тунгусо-маньчжурских языках: 7 лексических и одно грамматическое. Лексические соответствия имеют сходство с энантиосемией, различие заключается в том, что в первом случае противоположные значения языковой единицы относятся к диахронии, а во втором — к синхронии.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, антоним, энантиосемия, соответствие, директив, аблатив.

Antonymic cognates in (Manchu-)Tungusic languages

Aleksandr M. Pevnov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia);
pevnov@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7421-7777

Abstract. Relatively closely related (Manchu-)Tungusic languages show a number of antonymic cognates; e. g., Jurchen **ǯəγun* means ‘right’, while in the other representatives of the linguistic family, the corresponding words mean ‘left’. (Notably, ‘left’ is the original meaning of the protolanguage word borrowed from Mongolian where it means ‘left’). According to M. A. Castrén, the word *dagacan* in the Ewenki Nercha

dialect means ‘root’; the word with the same root *daga* means ‘river mouth’; and the cognate of these words in Nanai (*dã̄*) means ‘root, origin, origin of a river’.

Antonymic correspondence is similar to enantiosemy, with the difference that the former belongs to diachrony (where opposite meanings are revealed by comparing related languages) and the latter, to synchrony. Examples resembling enantiosemy are the Uilta (Orok) vocative forms *ənnə̄* and *ammā*; these words can be used not only by a child addressing its mother (*ənnə̄*) or father (*ammā*), but by either parent to address her/his child.

This paper considers seven examples of lexical antonymic cognates in (Manchu-) Tungusic languages and one example of grammatical antonymic cognates — the Manchu ablative marker corresponding to the directive markers in related languages (*-či* in Nanai, *-ti* in Ulcha and Oroch, *-t̲ikī*/*-t̲kī* in Ewenki, etc.). Interestingly, some (Manchu-)Tungusic idioms in northeastern China borrowed this innovation: in Solon and in Kilen the directive case marker functions as the ablative; in Hezhen, the case marker *-tiki*/*-tki* can express both directive and ablative meanings.

Keywords: (Manchu-)Tungusic languages, antonym, enantiosemy, cognate, directive, ablative.

1. Предварительные замечания

В относительно близко родственных между собой тунгусо-маньчжурских языках среди лексических и грамматических соответствий весьма редко встречаются такие, которые можно назвать антонимическими. Антонимические соответствия имеют определенное сходство с энантиосемией, определяемой как наличие противоположных значений у одной языковой единицы. Отличие энантиосемии от антонимических соответствий заключается в том, что противоположные значения какой-либо языковой единицы в первом случае представлены в синхронии, а во втором — в диахронии. При этом в диахронии противоположные значения языковой единицы выявляются при сравнении родственных языков. Таким образом, антонимическое соответствие предполагает противоположные значения у слов или аффиксов, имеющих общее происхождение в родственных языках или в диалектах одного языка (при этом одно из значений является первичным, а другое — вторичным, более поздним).

Что касается лексической энантиосемии в тунгусо-маньчжурских языках, то пока удалось найти лишь один пример (пример грамматической энантиосемии в языке хэчжэн приведен в *Разделе 3*).

В тунгусо-маньчжурских языках у терминов родства есть особая вокативная форма. В языке ороков (уильта) вокативные формы *эннэ̄* (мама.VOC) и *аммā* (папа.VOC) весьма своеобразны: так может обращаться не только ребенок к своей маме (*Эннэ̄*!), но и мама к своему ребенку (соответственно не только ребенок к своему папе, но и папа к своему ребенку: *Аммā*!). Такое употребление этих вокативных форм отмечено в словаре, составленном Дзиро Икэгами (южный диалект) [Ikegami 1997: 8, 59]; так же используются они (согласно полученным мной сведениям от носителя языка уильта Е. А. Бибиковой) и в северном диалекте. Слова, означающие ‘мама’ и ‘ребенок’ (ее ребенок), а также ‘папа’ и ‘ребенок’ (его ребенок), антонимами, конечно же, не являются, однако возможность использования одного и того же слова для обозначения как субъекта, так и объекта обращения весьма напоминает энантиосемию.

В ульчском языке — генетически наиболее близком к орокскому — у соответствующих слов сохранилось только одно из значений, причем не исходное, не этимологическое: *эн* ‘сынок, дочка (ласковое обращение женщины к любому другому моложе себя)’, *ам* ‘сынок, дочка (ласковое обращение мужчины к любому другому моложе себя)’ [Суник 1985: 172, 261] (первое ульчское слово этимологически связано со словом, означающим ‘мать’, а второе — со словом, означающим ‘отец’).

В нанайском языке слово *ам* утратило свою самостоятельность, сочетаясь с некоторыми терминами родства: «**ам** *частица* дорогой, милый, родной, любимый (*употребляется при обращении к младшим членам семьи*, *родственникам*): **ам пурил, суэ вайси хупиндэйвэ̄ри осини, соли эди гарпанасиасу, оркин** (фольк.) дети мои, если вы пойдёте играть на берег, не стреляйте из лука вверх по реке, нельзя» [Оненко 1980: 35] (слово *пурил* означает ‘дети’, перевод ‘дети мои’ весьма условный — значение ‘мои’ здесь отсутствует). Надо сказать, что теоретически возможного слова *эн* в нанайском языке нет (по крайней мере, оно отсутствует в упомянутом словаре).

Орокский (уильта), ульчский и нанайский в тунгусо-маньчжурской языковой семье относятся к одной и той же ветви (амуро-сахалинской). Орокский язык сохранил в первоначальном виде энантиосемию (или нечто подобное): в вокативной форме *Аммā*! ‘Папа!’ субъектом обращения является ребенок, а объектом – его отец, в вокативной же форме *Аммā*!

‘Сынок!’, ‘Дочка!’ всё наоборот. В ульчском языке произошло некоторое упрощение: слово *ам* стало выражать только объект обращения («ласковое обращение мужчины к любому другому моложе себя»). Нанайский же язык пошел еще дальше по пути упрощения, превратив слово *ам* в «слово-префикс» (в «частицу») со значением ‘дорогой, дорогая’.

В данной статье на материале тунгусо-маньчжурских языков рассматриваются семь лексических антонимических соответствий и одно грамматическое.

2. Лексические антонимические соответствия

1. Пратунгусоманьчжурское слово **ǯэγγун* ‘левый’ представляет собой явный монголизм (заимствование обусловлено, вероятно, табуированием левого). Рефлексы праязыкового слова **ǯэγγун* ‘левый’ сохранились в большей части тунгусо-маньчжурских языков, существенные изменения произошли только в чжурчжэньском и маньчжурском[1].

В чжурчжэньском письменном языке, генетически весьма близком к маньчжурскому, слово **ǯэγγун*[2] (современное чтение китайских транскрипционных иероглифов: *чжэ̀-вэ̄нь*, или *zhè-wēn*, где *wēn* < **un*) означает не ‘левый’, как соответствующие слова в родственных тунгусо-маньчжурских языках и в монгольских, а ‘правый’. Именно как ‘правый’ переведено это слово с чжурчжэньского на китайский в «Хуа-и июй». Можно предположить, что составители словаря ошиблись, однако это не так: в тексте самой ранней чжурчжэньской стелы «Да Цзинь дэшэнто сун бэй» (1185 г.) есть словосочетание, калькирую-

[1] В маньчжурском есть два слова, означающих ‘правый’ (*ǯэбэлэ*, *ичи*), и два слова со значением ‘левый’ (*дасхуан*, *хасху*), при этом все они не имеют материальных соответствий в тунгусо-маньчжурских языках.

[2] В чжурчжэньском письменном языке некоторые слова (или фрагменты слов) вполне надежно читаются (если они записаны силлабограммами), в то время как для других, передаваемых сиграммами (или иначе — идеограммами, логограммами), возможна только реконструкция на основе весьма своеобразной китайской иероглифической транскрипции в средневековом «Китайско-варварском словаре» («Хуа-и июй») и соответствий в родственных языках. Астериск в данном случае (**ǯэγγун*) указывает на то, что это не чтение, а реконструкция, причем здесь она совпадает с пратунгусоманьчжурской.

щее китайское 左右 *zuǒ yòu* ‘приблизительно, около’ (употребляется при числительных, буквально переводится как ‘левый правый’), при этом первое чжурчжэньское слово представляет собой заимствование из китайского и означает ‘левый’, а второе чжурчжэньское слово — **ǯэγун* — означает ‘правый’.

2. В некоторых диалектах (говорах) эвенкийского и эвенского языков, а также в нижнеамгуньском говоре негидальского есть слова, означающие ‘северный склон горы’ (в эвенкийском это, например, *босоγо*, в эвенском *боросаγ*, *босаγ*, в негидальском *босоγида*, *босоγоjида* [ССТМЯ 1975: 97]). В нанайском им соответствует слово *борсои*[3], значение которого стало противоположным — ‘южный склон горы’ [Оненко 1980: 77]. При этом словом *анта* нанайцы называют северный или северо-восточный склон горы, тогда как соответствующее слово в других тунгусо-маньчжурских языках обозначает южный склон горы.

3. В эвенкийском языке основа *ǯӯн-* имеет значение ‘вспомнить’, однако в токминском говоре токминско-верхоленского диалекта эта основа означает ‘забыть’ [Василевич 1958: 114].

4. В эвенкийском языке слово *ǯулэ̄скӣ* означает ‘вперед’, а *амаскӣ* — ‘назад’. От первого образовано прилагательное *ǯулэ̄скӣпти* ‘будущий’, а от второго — *амаскипти* ‘старинный, давний, прежний’ (последнее слово было записано у эвенков Подкаменной Тунгуски, оно приведено в дополнениях к словарю [Василевич 1958: 590]).

В маньчжурском языке слово *ǯулгэ*, образованное от корня со значением ‘перёд’, означает ‘1. древность, старина; 2. древний, старинный’, а маньчжурское слово *амасиŋгэ* переводится как ‘1) задний; 2) следующий; 3) будущий’ [ССТМЯ 1975: 36, 274]. Такая корреляция значений имеет аналогию в китайском языке: ‘будущее поколение, потомки’ по-китайски не «переднее поколение», а «заднее поколение» (*hòudài*), ‘позавчера’ по-китайски — это буквально ‘передний день’ (*qiántiān*), а послезавтра — это ‘задний день’ (*hòutiān*). Иначе говоря, у китайцев прошлое впереди, а будущее позади. Как видим, китайское представление о прошлом и будущем нашло отражение в соответ-

[3] Приведенные варианты (*босоγида*, *босоjида*, *босаγ*, *босоγо*, *боросаγ*, *борсои*) являются аномальными соответствиями — нет сомнений в том, что они имеют общее происхождение, однако возвести их к единой праформе не представляется возможным.

ствующих маньчжурских словах. Таким образом, появление антонимических соответствий в данном случае обусловлено семантическим заимствованием из китайского языка в маньчжурский.

5. В конце первой половины XIX века М. А. Кастрен записал в Забайкалье у нерчинских тунгусов два слова с одним и тем же корнем, но, казалось бы, с совершенно разными значениями: *dagacan* ‘корень дерева’[4] и *daga* ‘устье реки’ [Castrén 1856: 89]. При этом в нанайском языке материально соответствующее слово *даа̃* (< **даган*) имеет значение ‘начало, корень, исток’ [Оненко 1980: 137]. Интересно, что в одном из диалектов солонского языка слово *dā* означает ‘верхнее течение реки’ [Chaoke, Tsumagari 1993: 13]. Таким образом, в нанайском языке, а также в диалекте солонского, с одной стороны, и в эвенкийском нерчинском, — с другой, у когнатов противоположные значения — ‘исток реки’ (‘верхнее течение реки’) и ‘устье реки’. Следует отметить, что у этих слов первичным значением было ‘корень, комель’, а значения, связанные с истоком (верхним течением) или устьем реки, — вторичные.

6. Эвенкийскому слову *дувэ̄* ~ *дүгэ̄* ‘1) вершина дерева; 2) вершина горы; 3) острый конец чего-либо’ соответствует маньчжурское *дубэ*(*н*) ‘1) конец; 2) вершина горы, дерева; 3) острие меча; 4) край, предел; 5) устье реки’. Как видим, у маньчжурского слова *дубэ*(*н*) есть значение ‘устье реки’, однако в зейском территориальном варианте эвенкийского языка соответствующее слово *дүгэ̄* может означать не только ‘вершина дерева или горы’, но и ‘исток реки’ [Василевич 1958: 123].

7. В эвенкийском языке в одних диалектах слово *ӈэ̄* означает ‘плохой запах’, а в других — ‘приятный запах’ [Мыреева 2004: 446].

В примерах (4), (5), (6) противоположные значения появились в разных идиомах не у первичных значений, а у вторичных, переносных. В примере (4) первичным значением было ‘перёд’, а во вторичном значении в тунгусо-маньчжурских языках была возможна антонимизация (‘будущее’ — ‘прошлое’). В примере (5) первичное значение — ‘корень, комель’, а во вторичном в некоторых идиомах была антонимизация (‘исток реки’ — ‘устье реки’). В примере (6)

---

[4] Слово оформлено диминутивно-пейоративным суффиксом *-чāн*; в словаре [Горцевская и др. 1958: 49] слово *дагачāн* переведено как ‘пень, комель, ствол дерева у корня’.

первичным значением было ‘вершина дерева, горы’, а во вторичном произошла антонимизация (‘исток реки’ — ‘устье реки’).

В примере (7), в отличие от шести предыдущих, не было антонимизации, противоположные значения ‘плохой запах’ и ‘приятный запах’ развились, вероятно, из другого, не сохранившегося, а именно — из значения ‘сильный, резкий запах’. По-видимому, это значение представлено во внутренней форме эвенкийского слова *ŋōкли* ‘черная смородина’ (подкаменнотунгусский и непский территориальные варианты). В этой связи уместно вспомнить, что аналогичную внутреннюю форму имеет русское слово *смородина*.

3. Грамматическое антонимическое соответствие

В тунгусо-маньчжурских языках есть примеры уникального антонимического соответствия в морфологии: показателю с директивным значением в одних языках материально соответствует показатель с аблативным значением в других. При этом первичным значением было несомненно директивное, противоположное значение появилось значительно позже, причем произошло это в маньчжурском языке.

В тунгусо-маньчжурском праязыке можно реконструировать составной показатель аблатива *-*ду*(-)*ки*[5] (кстати, соответствующий аффикс -*духи* имеется в чжурчжэньском тексте Тырской стелы (1413-й год)).

В маньчжурском языке такого показателя аблатива нет. Причина в том, что падежная система маньчжурского языка была кардинально переформатирована. В частности, вместо рефлекса пратунгусоманьчжурского показателя дательно-местного падежа *-*дӯ* в маньчжурском языке употребляется аффикс -*дэ*, образовавшийся из послелога **дэ̄р* ‘верх’, который был заимствован из какого-то монгольского языка (в монгольском письменном языке *deger-e* ‘верх; на вершине чего-либо, на чем-либо’)[6].

---

[5] Возможно, это единственный (или один из немногих) составной аффикс в тунгусо-маньчжурском праязыке.

[6] Ю. Янхунен считает, что маньчжурский показатель дательно-местного падежа -*дэ* связан по происхождению с формантами этого падежа в других тун-

В маньчжурском языке (во всяком случае в письменном маньчжурском) падеж с показателем *-дэ* полифункционален — он оформляет не только дополнение адресата, дополнение местонахождения, дополнение орудия, дополнение сопровождения, дополнение сравнения, но также дополнение направления: *Бо̄**дэ** исинҗиха* ‘Прибыл домой’, *Да**чи** дубэ**дэ** иситала гэму улхихэ* ‘Понял всё от начала до конца’ [Аврорин 2000: 81–84] (конкретизация дополнений приведена так, как в этой работе).

В последнем предложении в словосочетании *да-чи дубэ-дэ* ‘от начала до конца’ мы видим не только направительное значение падежного показателя *-дэ*, но также словоформу с аффиксом *-чи*, который в маньчжурском языке является показателем исходного падежа, или аблатива. Однако в других тунгусо-маньчжурских языках (в том числе в сибинском — ближайшем родственнике маньчжурского) соответствующие аффиксы имеют значение не аблатива, а директива: например, в эвенкийском это *-тикӣ*/*-ткӣ* (составной аффикс — его первый компонент реконструируется как **-ти-*); в орочском и ульчском — *-ти*, в нанайском — *-чи* (< **-ти*)[7].

Таким образом, в маньчжурском языке значение показателя *-чи* изменилось на противоположное, при этом директивное значение стал выражать послелог *бару*[8] и реже дательно-местный падеж с показателем *-дэ*.

гусо-маньчжурских («Tungusic») языках; все эти аффиксы, по мнению Ю. Янхунена, восходят к **-до̄* (**-dOO*) [Janhunen 2024: 53–54]. На мой взгляд, верной реконструкцией пратунгусоманьчжурского показателя дательно-местного падежа является **-до̄*, однако ни **-до̄*, ни **-до̄* не могли превратиться в маньчжурском в *-дэ*, поскольку такие звуковые переходы в истории этого языка мне неизвестны.

[7] По мнению Ю. Янхунена, маньчжурский формант аблатива *-чи* может восходить к «первичному» («primary») показателю аблатива **-ки* (**-kI*) [Janhunen 2024: 54]. Однако, во-первых, отсутствуют примеры, подтверждающие возможность перехода **-ки* > *-чи* в маньчжурском языке — рефлексом **-ки* мог быть *-хи* (ср. чжурчжэньский показатель аблатива *-духи* < **-дуки* в тексте Тырской стелы-трилингвы XV в.). Во-вторых, судя по материалам «китайско-варварского» словаря «Хуа-и июй», маньчжурскому падежному показателю *-чи* соответствует чжурчжэньский *-ти*. Таким образом, маньчжурский показатель аблатива *-чи* восходит к **-ти*, а не к **-ки*.

[8] Маньчжурский послелог *бару* произошел от слова *ба* ‘место’ (< **бā* < **буа* < < **буға*), к которому был присоединен некий элемент *-ру*, напоминающий монгольский послелог *-руу* с директивным значением.

Под влиянием маньчжурского аналогичное изменение значения директивного падежа произошло в солонском и в языке килен (оба на территории КНР). В одном из диалектов солонского языка директив с аффиксом *-тихи* стал выражать аблативное значение, например: *морин<u>тихи</u> эγγурэŋ* ‘слез с лошади’, *сōγо<u>тихи</u> эγγурэŋ* ‘демобилизовался (букв. спустился из войска)’ [Do Dərji 1998: 160] (в этом словаре, к сожалению, не отмечается, к какому диалекту солонского языка относится то или иное слово; в «говоре хайларских солонов» аффикс *-тхӣ*/*-тихӣ* является показателем директива [Поппе 1931: 115]). В языке килен (провинция Хэйлунцзян) материально соответствующий показатель *-тиги* также выражает не директивное значение, а аблативное [Zhang 2013: 80].

Еще в одном тунгусо-маньчжурском языке в северо-восточном Китае — в языке хэчжэн — «падежный суффикс *-tiki*/*-tki* используется и как директивный (48, 55 и т. д.), и как элативный (39, 40 и т. д.)»[9] [Tamura 2008: 37]; пример с директивным значением: *duin erge-tiki* ‘в четыре стороны’, пример с аблативным (не элативным) значением: *zho-tiki* ‘из дома’ [Tamura 2008: 44, 45]. Таким образом, данный падежный показатель в языке хэчжэн явно демонстрирует грамматическую энантиосемию.

Вероятно, «триггером» антонимизации маньчжурского показателя, передававшего когда-то директивное значение (напомню — в маньчжурском письменном языке это *-чи* < *-*ти*), послужило появление послелога *бару* (< **бāру*) с также директивным значением (имя существительное, к которому относится маньчжурский послелог *бару*, оформляется показателем родительного падежа, например: *бō-и бару* ‘к дому, домой’). Вероятно, на первых порах в маньчжурском языке синтетический и аналитический способы выражения директивного значения конкурировали друг с другом. Постепенно послелог *бару* с директивным значением начал доминировать, однако его аффиксальный конкурент *-чи* остался в падежной системе, но при этом «заплатил» немалую цену — превратился в свою семантическую противоположность, то есть стал показателем аблатива.

[9] В приведенной цитате указаны номера предложений в фольклорном тексте.

Литература

Аврорин 2000 — В. А. Аврорин. Грамматика маньчжурского письменного языка. СПб.: Наука, 2000.

Поппе 1931 — Н. Н. Поппе. Материалы по солонскому языку. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1931.

Суник 1985 — О. П. Суник. Ульчский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1985.

Castrén 1856 — M. Alexander Castrén's Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss. Herausgegeben von Anton Schiefner. St. Petersburg, 1856.

Janhunen 2024 — J. Janhunen. Proto-Tungusic // A. Vovin, J. A. Alonso de la Fuente, J. Janhunen (eds.). The Tungusic Languages. (Routledge Language Family Series). London; New York: Routledge, 2024. P. 35–75.

Tamura 2008 — K. Tamura. Grammatical Suffixes of Hezhen: with the Text 'Antu Mergen' and its English and Japanese Translations // 愛知教育大学研究報告. 2008. 57 (人文・社会科学編). P. 37–54. [Aichi Kyōiku daigaku Kenkyū hōkoku. 2008. Vol. 57 (Jinbun, Shakaigaku-hen). P. 37–54. Бюллетень педагогического университета Айти. 2008. Т. 57 (Гуманитарные и социальные науки). С. 37–54.]

Zhang 2013 — Zhang Paiyu. The Kilen Language of Manchuria: Grammar of a Moribund Tungusic Language. PhD thesis. Hong Kong: University of Hong Kong, 2013.

Источники

Василевич 1958 — Г. М. Василевич (сост.). Эвенкийско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.

Горцевская и др. 1958 — В. А. Горцевская, В. Д. Колесникова, О. А. Константинова (сост.). Эвенкийско-русский словарь. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1958.

Мыреева 2004 — А. Н. Мыреева. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2004.

Оненко 1980 — С. Н. Оненко. Нанайско-русский словарь. М.: Русский язык, 1980.

ССТМЯ 1975 — В. И. Цинциус (отв. ред.). Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. I. Л.: Наука, 1975.

Chaoke, Tsumagari 1993 — D. O. Chaoke (ed.), T. Tsumagari (comp.). A Solon (Ewenke) Index to the Classified Vocabulary with English Equivalents. Otaru: Center for Language Studies; Otaru University of Commerce, 1993.

Do Dərji 1998 — 杜 • 道尔基 编著. 鄂汉词典. 海拉尔: 内蒙古文化出版社, 1998 [Du Dao'erji bianzhe. E-Han cidian. Haila'er: Nei Menggu wenhua chubanshe, 1998. До Дорджи (сост.). Солонско-китайский словарь. Хайлар: Культура Внутренней Монголии, 1998].

Ikegami 1997 — J. Ikegami. A Dictionary of the Uilta Language Spoken on Sakhalin. Sapporo: Hokkaido University Press, 1997.

References

Avrorin 2000 — V. A. Avrorin. *Grammatika manchzhurskogo pismennogo yazyka* [Grammar of the Manchu written language]. St. Petersburg: Nauka, 2000.

Castrén 1856 — *M. Alexander Castrén's Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss*. Herausgegeben von Anton Schiefner. St. Petersburg, 1856.

Janhunen 2024 — J. Janhunen. Proto-Tungusic. A. Vovin, J. A. Alonso de la Fuente, J. Janhunen (eds.). *The Tungusic Languages.* (Routledge Language Family Series). London; New York: Routledge, 2024. P. 35–75.

Poppe 1931 — N. N. Poppe. *Materialy po solonskomu yazyku* [Materials on the Solon language]. Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1931.

Sunik 1985 — O. P. Sunik. *Ulchskiy yazyk. Issledovaniya i materialy* [The Ulcha language. Research and materials]. Leningrad: Nauka, 1985.

Tamura 2008 — K. Tamura. Grammatical Suffixes of Hezhen: with the Text 'Antu Mergen' and its English and Japanese Translations // 愛知教育大学研究報告, 2008. 57 (人文・社会科学編). P. 37–54. [Aichi Kyōiku daigaku Kenkyū hōkoku. 2008. Vol. 57 (Jinbun, Shakaigaku-hen). P. 37–54. Bulletin of Aichi University of Education. 2008. Vol. 57 (Humanities and Social Sciences). P. 37–54.]

Zhang 2013 — Zhang Paiyu. *The Kilen Language of Manchuria: Grammar of a Moribund Tungusic Language*. PhD thesis. Hong Kong: University of Hong Kong, 2013.

Получено/received 6.02.2025 *Принято 22.04.2025*